

Актуализация российского законодательства о речевых правонарушениях и судебные экспертизы гуманитарного профиля

В. О. Кузнецов

*Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации
Хохловский пер., 13с2, 109028, Москва, Россия. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

В настоящее время наблюдается процесс актуализации российского уголовного и административного законодательства о речевых правонарушениях, что связано с введением новых правовых норм, устанавливающих ответственность за распространение фейков, информации, дискредитирующей использование Вооруженных Сил Российской Федерации, пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и др. Огромную роль при расследовании этих преступлений играют судебные экспертизы гуманитарного профиля, прежде всего комплексные психолого-лингвистические экспертизы, результаты которых, как показывает практика, служат одним из ключевых доказательств. Разработанные в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России методические подходы к исследованию информационных материалов, связанные с установлением специальных (лингвистических, психологических) признаков тех языковых и психологических феноменов, которые являются аспектами объективной стороны речевых правонарушений, позволяют оперативно реагировать на появление новых экспертных задач в связи с активно идущим процессом актуализации российского законодательства.

Ключевые слова: актуализация законодательства, речевое правонарушение, экспертиза, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза.

Updating of the Russian Legislation on Speech Offenses and Forensic Examinations of Humanitarian Profile

V. O. Kuznetsov

*Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation
13 Khokhlovsky pereulok, stroenie 2, 109028, Moscow, Russia. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

Currently, there is a process of updating Russian criminal and administrative legislation on speech offenses, which is associated with the introduction of new legal norms establishing responsibility for the dissemination of fakes, information discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation, propaganda of non-traditional sexual relations, etc. A huge role in the investigation of these crimes is played by forensic examinations of a humanitarian profile, primarily complex psychological and linguistic examinations, the results of which, as practice shows, serve as one of the key evidence. Methodological approaches to the study of information materials developed at the Federal State Budgetary Institution of the Russian Federation under the Ministry of Justice of the Russian Federation related to the establishment of special (linguistic, psychological) signs of those linguistic and psychological phenomena that are aspects of the objective side of speech offenses allow us to respond promptly to the emergence of new expert tasks in connection with the actively ongoing process of updating Russian legislation.

Key words: updating of legislation, speech offense, expertise, complex psychological and linguistic expertise.

С 2014 года по настоящее время в российском административном и уголовном законодательстве наблюдается значительный рост так называемых речевых правонарушений (прежде всего экстремистского и террористического характера), что обусловлено различными факторами, в том числе текущей геополитической ситуацией, общественно-политическими процессами, идущими в России и мире, а также внешними и внутренними угрозами национальной

безопасности, которые ряд российских политиков и общественных деятелей связывают с проявлением информационной войны. В связи с чем имеет место актуализация законодательства о речевых правонарушениях.

Прежде всего актуализация законодательства происходит на уровне доктринальных документов (государственных доктрин, концепций и стратегий).

Так, в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом России 25.12.2014 № Пр-2976, отмечается наличие тенденции смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации (ч. 10). В перечне основных внешних опасностей приведено использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности (п. «м» ч. 12).

Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 05.12.2016 № 646, в качестве угроз национальной безопасности России рассматривается информационно-техническое воздействие зарубежных стран на информационную инфраструктуру России в военных целях: одним из основных негативных факторов, влияющих на состояние информационной безопасности, является наращивание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях (ч. 11); состояние информационной безопасности в области обороны страны характеризуется увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности (ч. 15). Одним из основных направлений обеспечения информационной безопасности в области обороны страны, согласно ч. 21 Доктрины, является нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 02.07.2021 № 400, достижение цели обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение ряда задач, в том числе противодействие использованию информационной инфраструктуры Российской Федерации экстремистскими и террористическими организациями, специальными службами и пропагандистскими структурами иностранных государств для осуществления деструктивного информационного воздействия на граждан и общество (п. 9-11 ч. 57).

В утвержденных Указом Президента России от 09.11.2022 № 809 Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, конкретизирующих отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, обращается внимание на необходимость защиты от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, пресечение деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей в России (п. «м» ч. 24), к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (ч. 5). В Основах отмечается, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (ч. 14).

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 31.03.2023 № 229, проявления информационной войны против России представлены в качестве методов, применяемых в настоящее время рядом государств: используется широкий набор противоправных инструментов и методов, включая применение принудительных мер (санкций) в обход Совета Безопасности ООН, провоцирование государственных переворотов, вооруженных конфликтов, угрозы, шантаж, манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов, наступательные и подрывные операции в информационном пространстве (ч. 8). Согласно данной концепции в целях обеспечения международной информационной безопасности России, противодействия угрозам в ее отношении, укрепления российского суверенитета в глобальном информационном пространстве приоритетное внимание уделяется принятию политико-дипломатических и иных мер, направленных на противодействие политике недружественных государств по милитаризации глобального информационного пространства, по использованию информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств и в военных целях, а также по ограничению доступа других государств к передовым информационно-коммуникационным технологиям и усилению их технологической зависимости (п. 4 ч. 30).

Как видно из приведенного обзора доктринальных и концептуальных документов, Российская Федерация особое внимание уделяет укреплению информационной безопасности, развитию сил и средств информационного противоборства, противодействию проявлениям такого противоборства.

Так, подобное противодействие находит отражение в том числе на уровне федерального законодательства. Об этом свидетельствует действующее в России разветвленное антиэкстремистское и антитеррористическое уголовное и административное законодательство, активно актуализируемое начиная с 2014 года путем введения новых правовых норм, устанавливающих уголовную и административную ответственность за совершение таких правонарушений и преступлений, как реабилитация нацизма, оправдание и пропаганда терроризма, дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации, распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений, смены пола, педофилии, пропаганда нацистской атрибутики или символики и др. Перечисленные правонарушения и преступления предполагают совершение действий, направленных на деструктивное информационное воздействие на граждан и общество, институты семьи и брака, на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества, а также направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государства.

Количество возбужденных в России уголовных дел по части из приведенных выше преступлений экстремистской и террористической направленности из года в год растет. Так, согласно информационному отчету ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России «Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года», в 2022 году было зарегистрировано 2233 преступления террористического характера (что на 4,5 % больше, чем в 2021 году), 1566 преступлений экстремистской направленности (что на 48,2 % больше, чем в 2021 году).

Большинство из указанных преступлений совершается посредством речевой деятельности, их объективную сторону составляют речевые (шире – коммуникативные) действия. Неслучайно Н. Д. Арутюнова, размышляя о языке, писала: «У языка много предназначений и каждое из них предъясняет свои права. Язык формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию повседневную и “долгосрочную”, обслуживает социальные акции, участвует в совершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народов, выражает и сохраняет знания о мире. Язык способен и на “преступные” действия, и они тоже не проходят для него бесследно» [Арутюнова 1988: 3].

Такие «преступные» действия экстремистского и террористического характера, совершаемые посредством слов, мы наблюдаем в повседневной жизни.

Так, ярким примером «преступных» речевых действий является распространяемая 10–11 мая 2023 года в социальных сетях и мессенджерах недостоверная информация о проведении второй волны частичной мобилизации на фоне принятия Указа Президента Российской Федерации от 10.05.2023 № 333 «О призыве граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе, на военные сборы в 2023 году». В данном случае был использован прием подмены понятия, заключающийся в замене понятия «военные сборы» на «мобилизация». Тем самым публикации, содержащие такую информацию, были направлены на повышение уровня социальной напряженности и, соответственно, дестабилизации российского общества. Подобные публикации могут иметь накопительный эффект, формируя и подкрепляя определенные установки у граждан по отношению к государственной власти.

Наряду с подобными публикациями в медиапространстве время от времени появляются и такие публикации, воздействующие на граждан мгновенно и несущие реальные негативные последствия. Например, об этом свидетельствуют события 28 октября 2023 г. в Дагестане, причиной которых стало распространение одним из Telegram-каналов ложных сведений о приезде группы беженцев из Израиля в г. Хасавюрт и размещение их в одной из гостиниц. Спустя несколько часов после публикации этой информации возле гостиницы собралась толпа граждан с требованиями выселить израильтян и изгнать их из Дагестана. Митинг у гостиницы перерос в протесты в Махачкале. На следующий день, 29 октября 2023 г., в этом же Telegram-канале начали появляться сообщения о том, что в Дагестан якобы прибывают беженцы из Израиля, с призывом, обращенным к дагестанцам, «встретить» их в аэропорту Махачкалы. Вечером этого же дня в аэропорту г. Махачкалы собрались люди, которые выкрикивали антисемитские лозунги и пытались вычислить этих беженцев, прилетевших в Дагестан из Тель-Авива. Толпа прорвалась в здание аэропорта и на взлетно-посадочную полосу. В результате аэропорт был на время закрыт, во время столкновений пострадали более 20 человек. Возбуждено уголовное дело о массовых беспорядках.

Поскольку в приведенных и иных случаях речевых правонарушений объективную сторону составляют речевые (коммуникативные) действия, особую роль при их расследовании играет институт специальных знаний. Следственные органы и суды в связи с указанной спецификой этих преступлений назначают по делам судебные экспертизы гуманитарного профиля, прежде всего лингвистические и комплексные психолого-лингвистические экспертизы. Результаты этих экспертиз, как показывает следственная и судебная практика, служат одним из ключевых доказательств по делу.

Сложившаяся экспертная практика производства экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, свидетельствует об эффективности комплексного психолого-лингвистического подхода к исследованию информационных материалов по этой категории дел. Такой подход был выработан Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России по решению коллегии Министерства юстиции Российской Федерации по результатам Послания Президента В. В. Путина Федеральному Собранию, апробирован и стал широко внедряться в экспертную практику судебно-экспертных учреждений Минюста России в 2011 г. [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011], в 2014 г. он оформился как экспертная методика [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014], в 2022 г. вышло второе издание, переработанное и дополненное с учетом разъяснений, данных Верховным судом Российской Федерации, экспертной практики, а также изменений законодательства [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022], в том числе тех, которые были отмечены выше. На положениях методики была основана Типовая межведомственная

методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма (№ 11/П/2-184), одобренная и рекомендованная к применению в экспертной практике решением Национального антитеррористического комитета.

Суть методического подхода, представленного в указанных выше методиках, сводится к установлению лингвистическими и психологическими методами так называемого «экстремистского» значения – речевого (коммуникативного) действия, составляющего объективную сторону преступлений, к которым относятся призывы к экстремистской деятельности, пропаганда запрещенной идеологии, реабилитация нацизма, оправдание терроризма, возбуждение вражды, унижение человеческого достоинства, оправдание терроризма и др. Посредством применения этого методического подхода устанавливаются специальные (лингвистические, психологические) признаки тех языковых и психологических феноменов, которые являются аспектами объективной стороны речевых преступлений: «Для того чтобы явления, стоящие за правовыми понятиями (экстремистская деятельность, призыв и др.) и образующие “экстремистские” значения, могли стать предметом исследования эксперта, они должны быть раскрыты (объективированы) через специальные признаки. Исходя из этого, для каждого из “экстремистских” значений должны быть определены их лингвистические и психологические признаки и соответствующие экспертные диагностические критерии» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 21].

Указанный методический подход применяется при проведении судебных экспертиз по делам, связанным с реабилитацией нацизма (ст. 354.1 УК России), – нормой, введенной Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ и предусматривающей уголовную ответственность, с одной стороны, за искажение фактов совершения в годы Второй мировой войны международно-правовых преступлений против мира и безопасности человечества нацистами, осужденных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, и роли СССР в годы Второй мировой войны в победе над фашизмом (ч. 1 ст. 354.1 УК России), с другой стороны, за умаление исторической памяти, проявляющееся в распространении выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, осквернении символов воинской славы России, оскорблении памяти защитников Отечества, унижении чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны (ч. 3 ст. 354.1 УК России). И искажение фактов, связанных со Второй мировой войной, и умаление исторической памяти являются элементами информационной войны, поскольку они направлены на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества.

Объективную сторону этого преступления составляют различные речевые/коммуникативные действия, которые могут быть установлены в ходе проведения комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы. Эксперт-лингвист устанавливает выраженные в тексте смысловые компоненты:

- предмет речи в тексте: то, что имело место и было совершено во время Второй мировой войны или то, что знаменательно, важно как историческая память о Второй мировой войне;
- выраженное отношение автора/публикатора текста: положительное отношение к фактам преступных действий, установленных Нюрнбергским трибуналом, и негативное отношение к действиям руководства, командования и военнослужащих СССР во время Второй мировой войны; демонстративное неуважение, презрение, глумливое отношение к тому, что знаменательно, важно как историческая память о Второй мировой войне;
- речевые цели, выраженные в тексте: демонстрирование адресату своих взглядов и отношения, отличающихся от принятых в обществе; опровержение фактов; убеждение адресата в правильности, допустимости определенной идеологии, действий; информирование о негативном (презрительном) отношении к тому, что знаменательно, важно как историческая память о Второй мировой войне [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 74–79, 86–88].

Эксперт-психолог в ходе мотивационно-целевого анализа устанавливает социально-психологическую направленность материала, а именно:

- направленность на формирование у адресата позитивного эмоционально-смыслового отношения к деятельности организаций и руководства нацистской Германии (СС, СД и гестапо), идеологии и практике нацизма во время Второй мировой войны, военным преступлениям (в том числе убийствам и жестокому обращению с гражданским населением на оккупированных территориях) и военным преступникам, преступлениям против человечности, массовому уничтожению людей по расовому, этническому, национальному признакам;
- направленность на формирование у адресата негативного эмоционально-смыслового отношения к СССР в годы Второй мировой войны (действиям руководства, командования и военнослужащих СССР);
- направленность на формирование у адресата негативного (грубо неуважительного, презрительного, враждебного и под.) эмоционально-смыслового отношения к тому, что знаменательно, важно как историческая память о Второй мировой войне (к ветеранам Великой Отечественной войны, дням воинской славы, памятным датам, связанным с защитой Отечества, символам воинской славы России, памяти о защитниках Отечества) [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 74–79, 86–88].

Ярким примером реабилитации нацизма является размещение фотографии Адольфа Гитлера и других нацистских преступников на электронном портале акции «Бессмертный полк». В данном случае, с экспертной точки зрения, содержится их героизация (за счет размещения их фотографий в одном ряду с участниками Великой Отечественной войны), одобрение преступлений, осужденных приговорами Международного военного трибунала в г. Нюрнберге, а также направленность на формирование у адресата позитивного эмоционально-смыслового отношения к деятельности организаций и руководства нацистской Германии, военным преступникам, т. е. выражено «экстремистское» значение «реабилитация нацизма».

Разработанный методический подход также позволяет оперативно реагировать на появление новелл

в законодательстве. Так, в 2022 году на основе этого методического подхода Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России были разработаны методические письма, послужившие научно-методическим обеспечением производства судебных экспертиз по делам о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации, а также по делам о так называемых фейках о Российской армии.

Данные правовые нормы (ст. 207.3 УК России, ст. 280.3 УК России, ст. 20.3.3 КоАП России) были введены в уголовное законодательство Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ и в административное законодательство Федеральным законом от 04.03.2022 № 31-ФЗ в связи с появившимися после 24 февраля 2022 года в медиапространстве многочисленными сообщениями, содержащими негативную информацию о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации при осуществлении специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Эта информация формирует у населения искаженное представление о государственной власти и ее органах в связи с использованием Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнением государственными органами Российской Федерации своих полномочий за рубежом, в связи с чем представляет собой угрозу общественной и государственной безопасности.

Под дискредитацией, исходя из диспозиций ст. 280.3 УК России, ст. 20.3.3 КоАП России, а также значения слова «дискредитация», понимаются умышленные действия, направленные на подрыв доверия к государственной власти и ее органам, умаление их авторитета и значения в связи с использованием Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнением государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов страны и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности [Секераж 2022: 44]. В соответствии с этим объективную сторону данных правонарушений составляет речевое/коммуникативное действие, связанное с нанесением ущерба авторитету государства, а также Вооруженным Силам страны.

Рассматривая категорию «дискредитация» в экспертологическом аспекте, т. е. в аспекте выработки на основе правовой категории экспертного понятия, Т. Н. Секераж отмечает: «Исходя из обозначенной в правовой норме целенаправленности действий в материалах должно содержаться обсуждение целей использования ВС России, что является обоснованием их негативной оценки, тем самым должно иметь место побуждение к мнению, т. е. убеждение адресата в правильности такой оценки» [Секераж 2022: 44]. В соответствии с таким пониманием для установления речевого/коммуникативного действия «дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации / исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» эксперту-лингвисту необходимо выявить информацию о целях применения Вооруженных Сил России, о несоответствии этих целей указанным в норме закона целям (что может быть выражено номинациями «оккупация», «военная агрессия», «захватническая война» и т. п.), а также убеждение в таком несоответствии. Эксперт-психолог, со своей стороны, устанавливает направленность на формирование у адресата представления о несоответствии (противоречии, противоположности) совершаемых действий целям защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности; негативного образа Вооруженных Сил России и негативного эмоционально-смыслового отношения к их действиям (их применению); готовности к принятию предлагаемой точки зрения [Секераж 2022: 46]. Совокупность выявленных лингвистических и психологических признаков свидетельствует о реализации в тексте речевого действия (значения) «дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации / исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности», что создает объективную основу для последующей правовой оценки текста.

Примерами дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации, с экспертной точки зрения, являются высказывания, в которых сообщается о военной агрессии России по отношению к Украине, нападении, вторжении России, оккупации территории Украины, а также о негативных целях военнослужащих Вооруженных Сил России (например, «Они приехали убивать, а убили их»). Во всех этих случаях имеет место сообщение о несоответствии совершённых и совершаемых Вооруженными Силами России действий целям защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности, то есть реализуется убеждение адресата в негативном характере целей их применения.

Если речевое/коммуникативное действие «дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации / исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» в языковом плане (в аспекте способа подачи информации) связано большей частью с выражением мнения относительно целей использования Вооруженных Сил Российской Федерации (исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий), обобщенной оценки таких целей, то речевое действие, лежащее в основе объективной стороны такого преступления, как публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (ст. 207.3 УК России), связано с подачей информации в форме утверждения о фактах и событиях. Это обусловлено наличием в диспозиции нормы понятия «заведомо ложная информация», соотносящегося с лингвистическим понятием языкового способа подачи информации, допускающего ее проверку на соответствие действительности, – утверждения о фактах и событиях.

В языковом плане такой способ подачи информации, по мнению О. В. Кукушкиной, характеризуется семантическими критериями совершённости (отнесенности события к прошлому или настоящему), верифицируемости (конкретности и наблюдаемости события) и отсутствия альтернативы при сообщении информации (отсутствия в высказывании маркеров мнения и логического вывода) [Кукушкина 2016: 136]. Несоблюдение приведенных критериев свидетельствует о подаче информации в форме мнения, а также ее разновидностей: предположения или оценочного суждения, т. е. способов подачи информации, не допускающих ее проверку на соответствие действительности и в связи с чем не позволяющих правоприменителю рассматривать информацию как заведомо ложную.

Как показывает экспертная практика, чаще всего по данной категории дел назначаются судебные лингвистические экспертизы, объектом которых являются материалы, содержащие информацию о событиях в Буче, Ирпени, Мариуполе, связанные с якобы совершением Вооруженными Силами России массовых убийств мирных граждан, изнасилований женщин и детей.

Данный методический подход позволяет создать объективную основу для последующей правовой оценки материала, предполагающей прежде всего установление правоприменителем ложности распространяемой информации (что непосредственно связано со способом подачи информации в форме утверждения о фактах и событиях, установленного экспертом), а также заведомости.

В связи с появлением новелл, введенных Федеральным законом от 05.12.2022 № 479-ФЗ, – актуализированной ст. 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола», а также введенных ст. 6.21.1 «Пропаганда педофилии», ст. 6.21.2 «Распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол» – в апреле 2023 года Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России было разработано научно-методическое обеспечение экспертиз по данным категориям дел – методическое письмо «О применении специальных психологических и лингвистических знаний при исследовании информационных материалов по делам о правонарушениях и преступлениях против общественной нравственности (ст. 242.1 УК РФ, ст. 6.21, 6.21.1, 6.21.2 КоАП РФ)» (подробнее см. в [Бердников, Васкэ, Кузнецов, Секераж 2023]).

Согласно данному методическому письму ключевой категорией в указанных нормах является пропаганда, которая определяется законодателем по-разному. Так, например, в ст. 6.21 КоАП России пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола понимается как распространение информации и (или) совершении публичных действий, направленных на формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола или искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтениях либо смене пола, вызывающей интерес к таким отношениям и (или) предпочтениям либо смене пола, в ст. 6.21.1 пропаганда педофилии определяется как распространение информации, направленной на обоснование и (или) оправдание педофилии или формирование привлекательности педофилии, либо навязывание информации о педофилии, вызывающей интерес к педофилии. Как видно из приведенных диспозиций норм, несмотря на разницу в правовом понимании пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола и пропаганды педофилии, и тот, и другой тип пропаганды определяется большей частью посредством целевых компонентов распространения информации – цели и направленности, представляющих собой психологические феномены (формирование установок, формирование представления, привлекательности). То же самое имеет место и во второй части диспозиции ст. 6.21.2 КоАП РФ (Распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, в том числе описание, изображение нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол), связанной с формированием у адресата представления о привлекательности жизни в качестве лица противоположного пола. В лингвистическом аспекте речевое/коммуникативное действие «пропаганда» связано с выражением положительной оценки нетрадиционных сексуальных отношений (предпочтений), смены пола, педофилии, а также информированием адресата о таком положительном отношении либо убеждением в этом, т. е. побуждением к изменению мнения адресата относительно нетрадиционных сексуальных отношений (предпочтений), смены пола, педофилии.

Применяемый методический подход, изложенный в пособии О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой и Т. Н. Секераж «Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» предполагает интеграцию в ряде случаев специальных знаний из других областей знаний, то есть он позволяет расширить сферу применяемых специальных знаний за счет привлечения специалистов из смежных сфер, например политологии, исследующей информационные материалы в иных аспектах, что соотносится с судебной практикой. Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы, к производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В связи с этим неслучайно судебная политологическая экспертиза приказом Минюста России от 20.04.2023 № 72 была введена в Перечень родов (видов) судебных экспертиз,

выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, а Перечень экспертных специальностей был дополнен специальностью 32.1 «Политологическое исследование информационных материалов».

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что имеющиеся в распоряжении судебных экспертов методические подходы к исследованию информационных материалов позволяют оперативно реагировать на появление новых экспертных задач в связи с активно идущим процессом актуализации российского законодательства о речевых правонарушениях.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Бердников Д. В., Васкэ Е. В., Кузнецов В. О., Секераж Т. Н. Применение специальных психологических и лингвистических знаний при исследовании информационных материалов по делам о правонарушениях, посягающих на общественную нравственность / Теория и практика судебной экспертизы. - 2023. - Т. 18. - № 3. - С. 78-94. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-78-94>

Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? / Теория и практика судебной экспертизы. - 2016. - № 3 (43). - С. 136. URL: <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-132-145>

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2022.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.

Секераж Т. Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации / Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-41-48>.

References

Arutyunova, N. D. (1988). Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow (in Russian).

Berdnikov, D. V., Vaske E. V., Kuznetsov V. O., Sekerazh T. N. (2023). Use of Specialized Psychological and Linguistic Knowledge in the Study of Information Materials on Cases of Offenses that Infringe on Public Morality. Theory and Practice of Forensic Science. 18 (3), 78-94 <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-3-78-94> (in Russian).

Kukushkina, O. V. (2016). Negative Information: Statement of Fact or Expression of Opinion? Theory and Practice of Forensic Science. 3 (43), 132-145. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-132-145> (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekarazh, T. N. (2011). Theoretical and Methodical Bases of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts on the Affairs Connected with Counteraction to Extremism. Moscow (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekarazh, T. N. (2014). Methodology for the Conducting Forensic Psycholinguistic Inquiry of Materials in Cases Involving Counteracting Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).

Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekarazh, T. N. (2022). Methodology for the Conducting Forensic Psycholinguistic Inquiry of Materials in Cases Involving Counteracting Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).

Sekerazh, T. N. (2022). Methodical Approach to the Analysis of Information Materials Regarding Public Discredit of the Use of the Armed Forces of the Russian Federation. Theory and Practice of Forensic Science. 17 (2), 41-48.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-41-48> (in Russian).

Citation:

Кузнецов В. О. Актуализация российского законодательства о речевых правонарушениях и судебные экспертизы гуманитарного профиля // Юрислингвистика. – 2024. – 31. – С. 71-77.

Kuznetsov V. O. (2024) Updating of the Russian Legislation on Speech Offenses and Forensic Examinations of Humanitarian Profile. Legal Linguistics, 31, 71-77.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License